

© 2023

Светлана Долматова

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова
Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: dolmatova@imemo.ru).

ПОЛИКРИЗИСНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИЛИ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ 4.0?

В статье дается периодизация процессов формирования стратегий устойчивого развития как системы мер, предпринятых мировым сообществом для противодействия «поликризисному» тренду мирового развития. Выявляются причины несостоятельности этих стратегий, допустивших возникновение экзистенциальной угрозы для всего человечества в виде «антропоценного»¹ вызова экономической глобализации. Показывается, что при условии преодоления «величайшего разлома» между Востоком и Западом на основе системы интегрированной безопасности, которая увязывает социально-экономические и экологические проблемы с вопросами безопасности и мира, может и должно быть организовано системное и коллективное противодействие поликризисной глобализации.

Ключевые слова: устойчивое развитие, глобализация, природоохранное управление, геополитика, поликризис, интегрированная безопасность, антропоцен, политическая экономия.

DOI: 10.31857/S020736760027014-4

Через ежегодный Давосский Всемирный экономический форум (ВЭФ), интеллектуальную площадку деловой и политической элит постбиполярной организации мирового развития, как правило, проводятся идеи не только корректировки дальнейшего хода глобализации, но и характеризующие его формулировки, термины, понятия, которые затем перехватываются другими площадками глобального управления и становятся неотъемлемой частью дискурса национальных элит по вопросам развития. В связи с данным исследованием внимание следует уделить термину «поликризис» (поликриз), который был актуализирован на ВЭФ в январе 2023 года [39, 54] и уже через 3 месяца применен в рамках ООН [24], а также термину «Индустрия 4.0»², который ввел в массовое употребление основатель и бессменный руководитель ВЭФ Клаус Шваб в 2016 году [49].

¹ «Антропоцен» – новая геологическая эпоха на шкале геологического возраста планеты Земля, созданная в процессе неосознанного формирования ускоряющейся активностью человека, которая стала причиной биогеофизических изменений планетарного масштаба, не совместимых с естественной эволюцией биосферы. Понятие «антропоцен» стало активно входить в понятийный оборот глобальных институтов развития с 2020 года [30], способствуя осознанию необходимости ответа на этот глобальный вызов в стратегии «устойчивого развития» [42] при формировании повестки в «Договоре для будущего» к Саммиту будущего (сентябрь 2024 года).

² The Fourth Industrial Revolution – 4IR.

Термины много значат, они могут помочь раскрыть природу явления, могут, наоборот, ее замаскировать или могут оставить явление без анализа, не закрепившись в общественном сознании. В данном случае представляется продуктивным для раскрытия темы и формулирования выводов обратить внимание на упомянутые термины «Индустрия 4.0» и «поликризис», которые, как представляется, имеют основание глубоко укорениться в научно-экспертном и политическом дискурсе: «сегодня в мире происходит так много конфликтов, гуманитарных катастроф, экстремальных погодных явлений и экономических потрясений, что для описания текущего положения дел используется новое слово — *'polycrisis'*» [24]. Отмечается, что его усиление геополитическим обострением в связи с военным характером украинского кризиса происходит в тот период, когда «мировая экономика только начала восстанавливаться после масштабных потрясений, вызванных пандемией COVID-19» и когда стоит неотложный вопрос ресурсного обеспечения «инвестиций в восстановление, борьбу с изменением климата и устойчивое развитие» [24].

Терминология концепции «устойчивого развития» уже не одно десятилетие, с доклада Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию (МКОСР) «Наше общее будущее» 1987 года [46], используется обществом, государством и бизнесом, подвергаясь в мейнстриме различным интерпретациям. При этом не только в научно-практическом, но и в общепринятом смысле логично предположить, что взаимосвязь «поликризиса» и устойчивого глобального развития обратно пропорциональна. Устойчивое развитие — это противоположный тренд по отношению к «поликризисному» тренду глобализации. «Поликризисный» характер этого тренда по многим его аспектам уже был выявлен в модели Форрестера–Медоуза в виде получившего огромный международный резонанс доклада «Пределы роста»³ Римского клуба в 1972 году. Тогда еще оставалось время для реализации «мягких сценариев» его преодоления, по выражению самого Денниса Медоуза в 2012 году [12]. Необходимо понять причины неэффективности международных усилий в преодолении этого тренда, т. е. в обеспечении устойчивого мирового развития. В этом вопросе дает подсказку термин ВЭФ «Индустрия 4.0», а именно, выбранный подход к нумерации промышленных революций (с некоторым оммажем в сторону языка программирования в виде двоичной системы исчисления), позволивший выявить в международной политике и глобальном управлении этапы процессов формирования стратегий, направленных на изменение «поликризисного» тренда глобального развития на тренд устойчивого развития, в виде их последовательности от 1.0 до 4.0, которые сопровождают динамику процессов глобализации от двуполярной до однополярной ее формы с переходом в стадию макрорегионализации.

Сначала следует выделить современный этап формирования стратегии устойчивого развития, а именно — с середины второго десятилетия XXI века,

³ The Limits to Growth. 1972. Доклад Римского клуба «Пределы роста».

когда терминология «устойчивого развития» в экономическом и политическом мейнстриме постбиполярного периода глобализации заняла приоритетные позиции, по 2022 год, когда ее заслонила терминология «поликризиса», отражая «текущее положение дел»: «мир вступил в новую эру риска, поскольку наши растущие экологические кризисы и кризисы в области безопасности сходятся, создавая новые, сложные риски, которые могут каскадом распространяться по всему миру» [51]. Эту стратегию следует обозначить как «Устойчивое развитие 3.0».

Поликризис и «Устойчивое развитие 3.0». С начала постбиполярной глобализации концепция «устойчивого развития» подвергалась различным интерпретациям, которые длительное время пытались согласовать с экономическим мейнстримом. Это согласование, сохраняя в риторике основные принципы данной концепции – забота об экологии, о социальном благополучии граждан, о будущих поколениях, – по сути, свелось к вариациям на тему политики бесперебойного функционирования рыночного механизма на основе устойчивого роста. И только спустя почти четверть века, с середины второго десятилетия XXI века ситуация стала меняться. В связи с решениями, принятыми в 2015 году на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке и на Конференции по климату в Париже⁴, три их основных положения, а именно: необходимость интеграции экономического, социального и экологического аспектов устойчивого развития в виде блока 17 его целей (ЦУР) к 2030 году; «климатические» обязательства через путь к «углеродной нейтральности» производств и отказ от ископаемого топлива, а также ESG-принципы⁵ для корпоративных субъектов мировой экономики, стали восприниматься в глобальном мейнстриме как необходимая составляющая принимаемых решений.

Однако с 2022 года на фоне разрастания рисков экономической глобализации и ее перехода в фазу формирования макрорегионов с собственными интеграционными процессами, вплоть до геополитического «величайшего разлома» между Востоком и Западом [22], наблюдается отход от этих принятых международных обязательств. Например, на COP⁶26 в Глазго еще в 2021 году акцент был сделан на поэтапном отказе от угля, а на COP27, в ноябре 2022 года в Шарм-эль-Шейхе, уже фиксируется «ренессанс угля». Согласно отчету Международного энергетического агентства, спрос на уголь в мире по итогам 2022 года достиг рекордных 8,025 млрд тонн [26]. Интегрированный в глобальные экономические цепочки российский бизнес, в практику которого только в 2021 году стали активно входить принципы ESG, исходя из своих собственных целей сохранения операционной деятельности, стал рассматривать эти принципы как помеху [35]. Предварительные итоги доклада Экономического и Социального Совета о прогрессе в достижении ЦУР [48]

⁴ Согласно Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года.

⁵ Environmental, Social and Governance (ESG) – критерии экологического, социального и корпоративного управления.

⁶ COP (Conference of the Parties – Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата).

фиксируют в большей степени стагнацию и регресс как, например, по целям сокращения бедности и голода. Аналогичная ситуация – с выполнением Парижского соглашения по климату, которое в связи с катастрофическими последствиями подъема уровня Мирового океана и изменениями привычного биосферного баланса на планете ставило цель не допустить роста среднегодовой температуры в мире более чем на $1,5^{\circ}\text{C}$. Однако, согласно майскому докладу Всемирной метеорологической организации 2023 года [55], этот барьер будет преодолен уже в ближайшие 5 лет [25].

Но стремительный рост рисков и глобальных вызовов в различных областях мирового развития, с конца второго десятилетия XXI века ставший заметным для политики глобального управления в виде поликризиса, имеет большую предысторию. До середины второго десятилетия эта политика в связи с финансовым кризисом 2008 года преимущественно затрагивала финансово-экономическую сферу глобальных процессов, и только затем акцент был сделан на сферу экологии и устойчивого развития. Цели «углеродной нейтральности», ЦУР- и ESG-принципы представлялись как надёжные и универсальные инструменты смягчения рисков и обеспечения устойчивости развития во всём мире. Но эта попытка включения экологической и социальной составляющих в процессы управления на поздних стадиях разрастания рисков глобализационных процессов, прежде всего в сфере климата, была заведомо ущербной. Политика достижения фрагментарных ЦУР, ограниченных временем их достижения – к 2030 году, в принципе не соответствует «плану достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» [29], если его рассматривать как план формирования антитренда поликризисному характеру мирового развития, выявленному еще в 1972 году в докладе «Пределы роста». Аналогично и по проблеме изменения климата. Уже изначально логично было сомневаться в том, что борьба только с одним из факторов антропогенного воздействия на климатическую систему – через «декарбонизацию экономики» – способна задержать разогнавшийся рост средней глобальной температуры в конкретных цифрах к определенному году (к 2050 году в границах не более чем $1,5^{\circ}\text{C}$ к доиндустриальному уровню). В общей сложности с 1987 года, времени обнародования МКОСР рецептов устойчивого развития по решению уже имевшихся глобальных проблем и по предотвращению наступавших рисков глобального развития, – по 2022 год, времени констатации их перехода в фазу «поликризиса», прошло более 35 лет. Вопросы игнорирования этих проблем глобальными институтами управления уже применительно к 50-летнему периоду были поставлены в политическом и концептуальном докладе Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ) к Саммиту ООН 2022 года «Стокгольм+50»⁷, который проводился в ознаменование 50-й годовщины

⁷ Здоровая планета для всеобщего процветания – наша ответственность, наша возможность.

первого Саммита по вопросам охраны окружающей среды – Стокгольмской конференции 1972 года. «Удивляет заторможенность и слабость реакции на эти изменения... со стороны политических лидеров и общества в целом»... [Ещё] «после Второй мировой войны многие учёные стали указывать на неустойчивость западной модели экономики и невозможность её повсеместного применения» [1]. Уже к началу 70-х годов XX века был доказан феномен «великого ускорения» нагрузок на планету со стороны человека, на что последовала первая коллективная реакция мирового сообщества в виде «Стокгольма 1972», а также признания взаимосвязи между развитием, нищетой и окружающей средой [18].

Антропоцен, «холодная война» и «Устойчивое развитие 2.0». В отсутствие в постбиополярной глобализации действенных ответных мер со стороны глобального управления Саммит «Стокгольм+50» инициировал «Договор для будущего» к Саммиту будущего (сентябрь 2024 года) как «амбициозную программу преобразующих изменений» [42]. Апогей разрастания рисков с начала экономической глобализации убедительно подтверждает обоснованность в этом Договоре нового подхода к «Повестке 2015–30», или «Устойчивому развитию 3.0», как к Повестке *интегрированной безопасности*, которая увязывает социально-экономические и экологические проблемы с вопросами безопасности и мира [3, 51, 42].

Однако, по сути, еще при существовании биполярной мировой системы⁸ именно на основе такого подхода был дан коллективный ответ на угрозы «поликризисного» тренда ее развития – второй ответ после «Стокгольма 1972». Это – разработка стратегии устойчивого развития на специально созданной накануне 1984 года площадке МКОСР во главе с Г.Х. Брундтланд, с итогом в виде доклада 1987 года («Наше общее будущее») [6], конференции в Рио-де-Жанейро 1992 года, «Повестки на XXI век» (Agenda XXI) и базовых конвенций в области окружающей среды. Тогда и были заложены основы концепции «устойчивого развития» как политического ответа на глобальный экологический вызов, взаимосвязанный с вопросами мира и безопасности [6. С. 320–338]⁹, в уже наступавшей эпохе «поликризиса» [6. С. 19–24]¹⁰. При этом упомянутый коллективный ответ, базируясь на принципах доклада 1972 года «Пределы роста», утвердил два важнейших положения: во-первых, необходимость действовать немедленно, чтобы уже следующее поколение (а это, как сейчас понятно, поколение Греты Тунберг) не столкнулось с предсказанными результатами негативного тренда мирового развития [27]; во-вторых, парадигма «устойчивого развития» – это «*альтернатива развитию, основанному на неограниченном экономическом росте*» [28]. Смена традиционной парадигмы технико-

⁸ С равноправным участием представителей двух противоположных систем и Движения неприсоединения.

⁹ Глава 11. «Мир, безопасность, развитие и окружающая среда» (Peace, Security, Development, and the Environment).

¹⁰ 1.1 «Взаимозависимые кризисы» (The Interlocking Crises).

экономического роста необходима для предотвращения движения мирового развития к точке невозврата, за пределы устойчивости систем поддержания жизни на нашей планете, к неконтролируемому кризису и краху [12, 13, 16, 45]. Эту Повестку ООН 1984–1992 годов следует обозначить как стратегию «Устойчивое развитие 2.0».

Но первое поколение XXI века, наоборот, столкнулось с растущими рисками, самым опасным из которых является «антропоценоз»¹¹. Это понятие, которое раньше фигурировало только в научных изданиях, статьях, СМИ, не относящихся к мейнстриму, к настоящему времени вошло в употребление в рамках «поликризисного» дискурса глобальных институтов развития [30, 42]. Оно означает признание того, что активность человека достигла настолько высокого уровня, что стала причиной биогеофизических изменений планетарного масштаба, изменив ход эволюции планеты Земля, создав совершенно новую геологическую эпоху на шкале ее геологического возраста [30. С. 3–4]. Ускоряется *замена живой биомассы Земли антропогенной массой, которая включает в себя все материалы, созданные человеком*, причем соотношение между ними в 2020 году достигло паритета [40]. В эти же годы прошлого века последняя составляла всего 3%, а уже к 2040 году при сохраняющихся тенденциях экономической активности она, включая отходы, будет уже почти в 3 раза больше всей планетарной живой биомассы¹².

При этом уже в 1987 году в работе «За пределами роста» в продолжение доклада 1972 года «Пределы роста» были сделаны выводы, согласно которым **«человечество уже вышло за пределы самоподдержания Земли»** [16]. А в 2004 году в следующей работе этой серии докладов Римского клуба – «Пределы роста. 30 лет спустя» [13] – авторы практически документально описывают наблюдаемое нами сейчас состояние мира к концу этапа «Устойчивого развития 3.0» в 2022 году: «результат запоздалых мер будет гораздо *менее привлекателен*, чем то, что могло бы быть, прими человечество нужные меры раньше. К этому времени в мире будет разрушено огромное количество прекрасных экосистем, человечество упустит множество политических и экономических возможностей, будут широко распространены неравенство и несправедливость, общество будет милитаризовано, а конфликты станут повседневными» [13. С. 22].

Как представляется, причины гиперускорения процессов антропоценоза последних 50-ти лет и особенно – в ходе глобализации последних 30 лет, вопреки международным попыткам их предотвращения начиная со «Стокгольма 1972», после доклада 1972 года «Пределы роста», следует искать в феномене «холодной войны». Этот подход позволяет увидеть с иной стороны исторические роли М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина, которых в целом традиционно обвиняют

¹¹ Процесс формирования «антропоцена».

¹² Масса техносферы превысит 3 тератонны к 2040 году относительно 1,1 тератонны планетарной биомассы в пересчете на сухой эквивалент (1 тератонна соответствует 10^{12} тонн).

или возвеличивают в одном ключе: в России — как виновников развала СССР и разрушения относительно устойчивого мирового порядка; на Западе — как дарителей свободы, возвращающих Россию в естественное русло цивилизованного пути развития. Однако интенции их исторических ролей не только диаметрально противоположны, но и отражают исключаящие друг друга векторы развития, хотя их политические роли оказались одновекторными. Роль Горбачёва как политика в переломный момент истории не отвечала вызовам эпохи его правления, что в значительной мере можно отнести и к политической линии коллективного руководства СССР. Оно в период перестройки пребывало в плену иллюзий о линейности социального прогресса и необратимости социальных достижений, в плену привлекательного образа будущего на основе общечеловеческих ценностей и бесконфликтной конвергенции с Западом. Но сама эпоха Горбачёва — это эпоха «брундтландского процесса», который мог быть реализован только в условиях окончания «холодной войны», многостороннего сотрудничества, начала конвергенции двух систем, завершения войн и разоружения, ожидания того, что высвобождающиеся ресурсы будут перенаправлены на цели необратимого и безопасного для природы и общества устойчивого развития к «Общему Будущему» [6]. *Именно в этих целях и в целях предотвращения риска поликризисного тренда развития СССР пошел на прекращение холодной войны и гонки вооружений, которая благодаря доктрине Рейгана (после периода детанта — разрядки международной напряженности) находилась в острой фазе с реальной угрозой ядерной войны.* Мировое общественное мнение изменили не только последовавшие научные исследования из серии «Трудности человечества», начиная с доклада 1972 года «Пределы роста»: решающий вклад в понимание необходимости глобального перехода к парадигме «устойчивого развития» внесла модель «ядерной зимы» великого советского ученого, академика Н.Н. Моисеева¹³.

Однако в это же время происходили и другие процессы, и в связи с вашингтонским выступлением Ельцина в конгрессе США, буквально в период проведения Саммита в Рио-де-Жанейро 1992 года, «брундтландский процесс» был фактически сорван; при этом была легализована политика «Вашингтонского консенсуса», позволившая США обеспечить их полное превосходство и неуязвимость на следующие 30 лет. Политика Ельцина оказалась механизмом проведения неолиберальной глобализации, направившей общественное развитие в обратном направлении.

После развала СССР оказалось, что эпоха Горбачёва была эпохой общих иллюзий — не только советской, но и западной демократической «прогрессивной

¹³ Н.Н. Моисеев, академик АН СССР (с 1991 г. РАН). Президент Российского отделения «Зелёного креста», Президент Российского национального комитета содействия ЮНЕП (Программа ООН по охране окружающей среды — ключевой элемент наследия «Стокгольма 1972»). Автор теории универсального эволюционизма (синтез естественных и гуманитарных дисциплин, экологический и нравственный императив, коэволюция человека и биосферы).

общественности». При этом четверть века спустя — в период формирования стратегии «Устойчивого развития» 2015–2030 гг. («Устойчивое развитие 3.0») происходит стирание памяти о ее первоисточнике — закреплённой Саммитом ООН 1992 года в Рио-де-Жанейро Повестке устойчивого развития, которая разрабатывалась еще с 1984 года («Устойчивое развитие 2.0») [8]. Одновременно исчезает суть рекомендаций и принципов, изложенных в документах Саммита ООН 1992 года, руководствуясь которыми страны-участницы в соответствии с § 8.7 принятой на нем «Повестки на XXI век» должны были разработать свои стратегии устойчивого развития. «Национальные стратегии охраны окружающей среды» и планы деятельности в области экологии должны в полной мере использоваться и включаться в стратегию устойчивого развития, разработанную страной. К числу ее целей должно относиться обеспечение *социально надежного* экономического развития, при котором осуществляются мероприятия *по охране базы ресурсов и окружающей среды в интересах будущих поколений* [36. § 8.7].

В «Устойчивом развитии 3.0» не учитывается этот основополагающий подход «Устойчивого развития 2.0», установленный на основе объединения трех принципов развития — антропоцентричного, биосфероцентричного и исторического — принцип общего равенства возможностей между поколениями в плане удовлетворения их потребностей и возможностей самовосстановления самой биосферы.

Ставка на вычёркивание стратегии «Устойчивого развития 2.0» из современного дискурса по «Устойчивому развитию 3.0» дополнительно подтверждается и исчезновением в 2022 году Саммита Рио+30 (по аналогии с предыдущими Саммитами 2002 и 2012 годов — Рио+10 и Рио+20) и заменой его на «Стокгольм+50» в июне 2022 года. Последний, таким образом, был сделан отправной точкой подготовки нового «Договора для будущего» к 2024 году. Дело в том, что, в отличие от «брундтландского процесса» 1984–1992 годов, советская сторона в работе «Стокгольма 1972» участие не принимала. Технологии «холодной войны» привели к бойкоту этой конференции со стороны СССР и ряда других соцстран. При этом на фоне обострения затяжного конфликта между СССР и КНР в «Стокгольм 1972» была привлечена КНР. Более того, стимулом к проведению этого Саммита 1972 года в значительной степени послужил доклад «Пределы роста», предварительный вариант которого обсуждался, в том числе в Москве летом 1971 года, получив поддержку в советских академических кругах. Но публикация доклада за несколько месяцев до «Стокгольма 1972», вызвав небывалый резонанс во всём мире, осталась для советской общественности практически неизвестной: будучи переведенным на многие языки мира, доклад не был переведен на русский вплоть до 1991 года.

Другой доклад, вероятно, также подготовленный к «Стокгольму 1972», остался в тайне уже для всего мира вплоть до января 2023 г., времени проведения ВЭФ. Тогда было предано огласке скандальное расследование на основе

внутренних документов крупнейшей из нефтяных компаний мира — Exxon Mobil [37] — о том, что в сделанном по ее заказу в самом начале 70-х годов XX века, но не обнародованном докладе ученые точно предсказали, как изменение климата приведёт к повышению глобальной температуры на планете: с выходом на ускорение, начиная с последней декады XX века, фактически со времени несостоявшегося в наступающей глобализации старта «Устойчивого развития 2.0», когда мировое сообщество как раз предполагало предотвратить такой ход событий в будущем. Приведенные графики с поразительной точностью совпадают с реальными данными на сегодняшний день, отмечающими установление ежегодных температурных антирекордов, и угрожающе показывают дальнейший экспоненциальный рост данного показателя.

Активное участие СССР и блока соцстран в организации общего ответа на экологический вызов и в противодействии «поликризисному» тренду наступающей глобализации несло реальную угрозу переключения СССР на экосовместимое хозяйствование — например, усовершенствование ядерной энергетики, которая позволяла ему сохранять энергетическую и экономическую независимость и расширять свое влияние в мире. При этом контракт «Газ в обмен на трубы», заключенный между СССР и ФРГ, наоборот, стал триггером втягивания социалистической экономики в мировой западный рынок на условиях нефтегазовой зависимости, что способствовало ускорению тренда «поликризиса» мировой системы после исчезновения ее социалистического полюса. Или другой пример: на рубеже 80–90-х годов XX века была фактически остановлена развитая в СССР микробиологическая промышленность на основе природного газа, используемого в качестве сырья для получения микробного белка. В результате современная Россия перешла на импорт миллионов тонн сои, под производство которой в мировом индустриальном сельском хозяйстве происходит массовая вырубка лесов, в том числе, тропических лесов Бразилии — «легких планеты», что способствует стремительному исчезновению биоразнообразия, наблюдаемому на всей планете.

Таким образом, начавшиеся в ходе «холодной войны» процессы политизации природоохранной сферы сорвали еще в зародыше, при «Стокгольме 1972», эту первую, по сути, попытку организовать при биполярном мировом балансе систему безопасности мирового развития на международном уровне с учетом экологии. Вторая попытка создания такой системы в период 1984–1992 годов, в условиях «нового мышления» эпохи Горбачёва и прекращения «холодной войны», уже принесла свои плоды в виде «Повестки на XXI век», принятой на Саммите в Рио-де-Жанейро в 1992 году: это — стратегия «Устойчивое развитие 2.0». Но разрушение СССР и всей двуполярной системы миропорядка сорвало и эту вторую попытку, предоставив свободу «поликризисному» тренду и процессам антропоцена. При этом «Повестка...» 2015–2030 годов позволяет идеологам и бенефициарам однополярной глобализации снять с себя ответственность за это, поскольку точкой

отсчёта этой современной стратегии устойчивого развития, предусмотренной глобальными институтами управления, мировая общественность считает не Саммит ООН 1992 года, т. е. «Устойчивое развитие 2.0», а Саммиты 2012 / 2015 годов, когда принимались решения по ЦУР и климату.

Но если возникает понимание, что в формировании тренда «устойчивого развития» это не первый этап и не первая стратегия, а третья — «Устойчивое развитие 3.0», то изменится и оценка общественным мнением причин «поликризиса» и способов его преодоления.

«Холодная война» и «Устойчивое развитие 1.0». Если стратегию «устойчивого развития» 1984—1992 годов следует обозначить как «2.0», то что подразумевается под «1.0»? Эпоха Горбачёва, завершая «холодную войну» и запуская «брундтландский» процесс в рамках ООН, по сути, инициировала второй этап в формировании системы глобального ответственного развития, при том, что сама эта система создавалась по итогам II Мировой войны после Ялтинской (Крымской) конференции союзных держав 1945 года, на основе ООН как глобальной международной организации для «поддержания международного мира и безопасности, ... для содействия экономическому и социальному прогрессу» [34. Прембула. Главы IX, X]. Этот период, 1945—1984 годов, можно рассматривать как первую ступень устойчивого развития — Устойчивое развитие 1.0, которое обеспечивалось глобальным управлением системой международной безопасности и мира в биполярном мировом порядке (МП). Она известна в историографии как Ялтинская, или Крымская, система МП. В этом обеспечении важнейшая роль отводится Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 1975 года, в рамках т. н. Хельсинкских соглашений, как политическому итогу II Мировой войны и как ключевому нормативному документу периода «разрядки» 70-х годов XX века. Обычно этот Хельсинкский процесс рассматривается как процесс выработки системы мер, направленных на переход от военного противостояния к экономическому сотрудничеству и, соответственно, к укреплению международного мира и безопасности в Европе и в мире в целом. Однако остается практически незамеченным большой блок, посвященный проблеме окружающей среды. В Заключительном акте ей отведено несколько страниц с объяснением, что сотрудничество в сфере охраны окружающей среды наряду с другими видами деятельности «способствуют укреплению мира и безопасности в Европе и во всем мире» [32. С. 15]. В этом Акте уже фактически представлен интегрированный подход к безопасности с учетом ее экологической составляющей и прописаны основополагающие принципы, разработанные позднее в стратегии «Устойчивое развитие 2.0» 1984—1992 годов: это учет интересов нынешнего и будущих поколений; приоритет предупредительных мер, необходимость мер по сохранению экологического равновесия в природе при эксплуатации и планировании развития природных ресурсов; учет многостороннего, двустороннего, регионального или субрегионального характера проблем окружающей среды; учет комплексности

научного подхода к проблемам окружающей среды; понимание эффективности решений проблем окружающей среды только путем тесного международного сотрудничества [32. С. 29–33]. Таким образом, Хельсинкский процесс в Ялтинской (Крымской) системе МП можно было бы считать предтечей брундтландского процесса, если бы интегрированный подход к безопасности получил развитие в практической деятельности. При этом важным итогом международной безопасности на Ялтинском (Крымском) этапе («Устойчивое развитие 1.0») следует считать «славное тридцатилетие» социального государства на Западе. Однако увлечение после II Мировой войны социально-экономической стороной развития как при социальном государстве на Западе, так и при социалистическом строе на втором полюсе двуполярной системы МП, оставило процессам антропоцена, имеющим давние корни, свободу распространения («Великое ускорение»)[1].

По аналогии с Ялтинским (Крымским) этапом устойчивого развития («Устойчивое развитие 1.0»), второй его этап, или ступень («Устойчивое развитие 2.0»), можно назвать Бразильским – по конференции стран-членов ООН в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 1992 году, которая усиливает первую ступень, традиционно относящуюся к сфере международных отношений, требованием безопасности развития по социально-экологическим параметрам. Устойчивое развитие 2.0, по сути, это процесс формирования интегрированной системы безопасности как долгосрочного ответственного развития, который происходил в условиях окончания «холодной войны» эпохи Горбачёва. Её логично обозначить как *Крымско-Бразильскую систему (КБС) безопасности*. Таким образом, если бы не влияние бенефициаров «холодной войны», процессы глобализации происходили бы по восходящей спирали от биполярной системы МП к многоступенчатой и многосторонней¹⁴ системе, интегрированной по многим параметрам безопасности МП, вместо нисходящей однополярной системы МП, основанной на неолиберальной парадигме экономического роста. Для противодействия этой нисходящей траектории, или тренду «поликризиса», «Устойчивое развитие 3.0» 2015–2030 годов было априори неадекватно.

«Устойчивое развитие 4.0» vs «поликризис». В настоящее время исследователи находят исторические аналогии для многих геополитических и экономических процессов. Это можно отнести и к отмеченным в статье этапам-стратегиям, исходя из которых можно понять причину наблюдаемых геополитических процессов, которые одновременно срывают и саму повестку «Устойчивое развитие 3.0» 2015–2030 годов, слабую изначально. Как представляется, повестка «Устойчивое развитие 2.0» 1984–1992 годов, предполагающая другое содержание глобализации, была сорвана силами, представляющими интересы крупного бизнеса и западного (прежде всего американского) истеблишмента, опасавшимися окончательно потерять свои привилегии, уже частично отнятые социальным государством.

¹⁴ Многополярной, или полицентричной, в терминах современной геополитики.

Действительно, при новом формате экономической активности вводились бы ее ограничения социальными и экологическими рамками, соревнованием вместо привычной конкуренции, а также долгосрочным и системным стратегическим планированием со стороны глобальных институтов управления, отвечающих за следование суверенных государств общей дорожной карте согласно «Повестке на XXI век» к «Нашему общему будущему», т. е. к цели, обозначенной в заголовке доклада Брундтланд 1987 года. Аналогично, нынешние геополитические процессы, которые провоцируют ускорение «поликризисного» тренда глобализации и срывают реализацию стратегии «Устойчивое развитие 3.0», стали развиваться в условиях нарастания антикапиталистических взглядов на причины ускорения климатических изменений, взглядов, определяющих «антропоцен» как «капиталоцен»¹⁵, «ископаемый капитал», «цифровой капитал» и т. д. Даже общественная опора стратегии «Устойчивое развитие 3.0» в лице многомиллионного молодёжного экологического движения Греты Тунберг «Fridays For Future» стала напоминать «зелёный» Интернационал антикапиталистической направленности [11], выдвигая всё более радикальный набор требований и подвергая резкой критике глобальное управление в экологической сфере: «Колонизаторы и капиталисты создают основу каждой из систем угнетения, вызвавших климатический кризис... Они сознательно жертвуют экосистемами и народами Глобального Юга ради своего, так называемого "развития" и вечного "экономического роста"..." [44].

Сейчас снова, как в 80-е годы XX века, происходит раскол в мейнстриме, одна часть которого желает сохранить прежний формат успеха бизнеса и политических привилегий связанного с ним истеблишмента, а другая предлагает изменить способ измерения этого успеха — отказаться от приоритета финансовых показателей и придерживаться более целостного подхода, например, в виде предложенной нобелевским лауреатом Д. Стиглицем «модели: три Ps или PPP» [53], «чтобы заботиться о людях, планете и прибыли (PPP¹⁶)» [20].

Ещё в 2012 году в связи с фактическим провалом «Устойчивого развития 2.0» к Рио+20 в Йоханнесбурге ООН указала на необходимость разработки новой «политической экономии устойчивого развития» [9]. Действительно, по словам выдающегося ученого Фреда П. Гейла, автора фундаментального труда 2018 года «Политическая экономия устойчивого развития» [38], ее богатый, междисциплинарный характер создает «область исследования, которая должна быть связана со всей совокупностью последствий производства и потребления товаров и услуг по постоянно удлиняющимся и усложняющимся цепочкам извлечения-удаления» [38. С. 44]. Она позволяет применить и интегрированный подход к измерению устойчивости, к оценке показателей устойчивого развития, на

¹⁵ «По словам Джейсона Мура, капиталоец — это своего рода критическая провокация для той чувствительности антропоцена, которая заключается в следующем: мы встретили врага, и он — это мы» [50].

¹⁶ В оригинале: «We need to look after the *people*, the *planet* and the *profit*».

основании которого Гейл показывает плюралистическое содержание экономической ценности устойчивого развития [38. С. 86]. Он также доказывает, что путь, который избрало человечество, ведет к неустойчивости, причиной которой является ориентация существующих либеральных демократий только на меновую стоимость и ее максимизацию. Она привела «к нынешним бедам общества потребления, которое усугубляет предпочтения потребителей в отношении неограниченного потребления и побуждает производителей стремиться к неконтролируемому экономическому росту» [38. С. 37].

Однако он не ставит вопрос о том, почему происходит фетишизация меновой стоимости и, соответственно, кому это выгодно. На ее основе построена парадигма устойчивого роста, раскритикованная докладом «Пределы роста» и отмененная стратегией «Устойчивое развитие 2.0». Но именно в рамках этой парадигмы США умеют побеждать конкурентов. При сохранении используемого в данной парадигме критерия развития в виде ВВП неизбежно будет побеждать «конкурентная стратегия транснациональных корпораций ... в борьбе с национальными государственными образованиями за факторы производства — землю, капитал, труд — в интересах устойчивого получения сверхдохода за предоставление в мировом хозяйстве услуг по перманентному экономическому росту» [7].

Этот сверхдоход позволяет международному бизнесу делать паузу в своем стремлении к росту прибыли и сохранять свою собственную устойчивость, несмотря на убытки, когда принимаются политические решения по санкционному режиму в отношении экономического партнера или когда появляется театр военных действий, как на европейском континенте в 2022 году. При этом понятно, что в отсутствие жесткого законодательства он будет нести наложенные на него обществом ESG-обязательства только при благоприятной для него конъюнктуре. Он может включиться и в начавшуюся гонку вооружений, с которой, казалось, было покончено в эпоху Горбачёва. Президент США Джо Байден в конце 2022 года подписал оборонный бюджет страны на следующий финансовый год в размере 858 млрд долл. [19]. Понятно, что эти процессы только усиливают «войну с природой» — А. Гутерриш неоднократно применял эти слова [Напр., 22, 47], а Дж. Стиглиц назвал климатический кризис «нашей третьей мировой войной, которая требует смелого ответа» [52].

Сам крупный бизнес, бенефициар экономической глобализации, зависит от экосистемных услуг — это более половины мирового ВВП, на что на понятном для него языке цифр указывают даже несколько устаревшие данные: с 1997 по 2011 год из-за изменения растительного покрова мир уже терял до 18,5 трлн долл. в год на экосистемных услугах и до 10,5 трлн долл. в год — из-за деградации земель [20]. По данным Стиглица, «за последние годы страна (США) потеряла почти 2% ВВП в результате стихийных бедствий, связанных с погодой, к которым относятся наводнения, ураганы и лесные пожары. Ущерб нашему здоровью от болезней, связанных с климатом, только подсчитывается, но он тоже

исчисляется десятками миллиардов долларов, не говоря уже о пока еще не подсчитанном количестве потерянных жизней» [52]. Но, несмотря на это, продолжается ускорение антропоцена, противоречащее устойчивому развитию.

Например, поквартальный снос небоскребов и строящихся городов в Китае [21], напоминающий ковровые бомбардировки военного времени, даёт тройной эффект. Это — изъятие трудовых и энергетических ресурсов, которые могли бы пойти на цели выхода из антропоцена и долгосрочного устойчивого развития, и это «вклад» в укрепление антропоцена за счёт двукратной замены живой биомассы Земли на антропогенную массу — сначала изъятием её части под строительство объектов, а затем — изъятием другой её части под мусорные полигоны. Тот же самый эффект, только в обратной последовательности, возникает в результате применяемой по всему миру политики мегаполисной реновации ремонтно-пригодных зданий. Роднит строительно-девелоперский бизнес с военными действиями то, что в них при оценке мультипликативного эффекта явно не учитываются внешние эффекты, или экстерналии. Это наглядно иллюстрирует экологическую ущербность парадигмы экономического роста, в рамках которой происходит реновация биосферы, не совместимая с её жизнеспособностью.

В новой амбициозной (по аналогии с «Новым курсом» Ф. Рузвельта) Программе администрации Байдена 2020–2021 годов «Восстановить лучше, чем было»¹⁷, по сути, представляющей собой ребрендинг концепции «экономики предложения»¹⁸ (известной как «рейганомика»), дается обновленный рецепт экономического процветания США и, соответственно, экономического роста. Хотя этот рецепт отредактирован с учетом актуальных требований мировой и американской общественности в части проведения климатической и социальной повестки, он дополняется идеей развития военно-промышленного комплекса, которая подпитывается примером из рузвельтовского курса, когда огромные военные расходы удвоили ВВП США за 4 года. При этом игнорируется тот факт, что указанный рост был следствием военной мобилизации в особых условиях Второй мировой войны. В настоящее же время имплементация этого фактора роста из «Нового курса» Рузвельта в План Байдена «Восстановить лучше, чем было» на основе теории *supply-side economics*, которая в эпоху Рейгана обосновала смену тренда социализации экономики, будет неизбежно сопровождаться сворачиванием наметившегося в «Устойчивом развитии 3.0» экологического тренда процессов глобализации. Расширение предложения продукции со стороны ВПК США с неизбежностью требует создания условий для возникновения субъекта спроса на эту продукцию, а значит — и усиления как самой организации НАТО, так и украинского кризиса в виде театра военных действий на европейском континенте с сопутствующими техногенными

¹⁷ В оригинале: «Build Back Better Plan».

¹⁸ В оригинале: «supply-side economics».

и экологическими катастрофами. В условиях «поликризиса» и вызовов антропоцена этот план следовало бы назвать планом «Восстановить хуже некуда»¹⁹.

Идеология неолиберального глобального развития формируется не под общие экзистенциальные интересы человечества и сохранения биосферы, ввиду того что человечество объединено с ней одной планетарной системой, имеющей собственные механизмы развития, а под консервативные интересы крупного бизнеса в его собственном устойчивом развитии, для которого после развала биполярной мировой системы был найден общий с государствами критерий глобального развития на основе меновой стоимости и ее максимизации в виде роста ВВП, что несовместимо с идеей концепции «устойчивого развития» (см. «Устойчивое развитие 2.0»). В июне 2023 года в рамках XXVI Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), который позиционируется как одно из самых масштабных и значимых деловых событий в мире, российский миллиардер А. Мордашов, председатель совета директоров ПАО «Северсталь», выразил принцип этой идеологии как общий с бизнесом принцип экономической целесообразности, руководствуясь которым государство должно распределять ресурсы туда, где бизнес сам «протаптывает дорожки» [23]. При этом он сослался на пример “протаптывания дорожек” при создании И.В. Курчатовым инфраструктуры своего научного центра, хотя мотивация Курчатова была принципиально иной.

Общие экзистенциальные угрозы человечеству обуславливают интересы сохранения и восстановления разрушенного биосферного потенциала и выдвигают перед государственным и глобальным управлением другие принципы развития. В целом сначала постепенно, а затем с ускорением — после критики показателя ВВП нобелевским лауреатом Д. Стиглицем в 2009 году [17] — стал происходить концептуальный сдвиг в оценке результатов развития в сторону понимания возможности процветания без традиционного экономического роста. Эта тенденция, например, прослеживается и в политических установках различных партий в Евросоюзе, и в общеевропейских официальных документах последних лет.

Судя по ходу XXVI ПМЭФ, крупный международный бизнес переориентировался на участие в интеграционных процессах, формирующих на политическом Востоке макрорегион, сделав ставку на повторение своего успеха на Западном направлении в период рыночно-ориентированной глобализации во время паузы между «Устойчивым развитием 2.0» и «Устойчивым развитием 3.0», т. е. в 1992–2015 годах, успеха, который сопровождался стремительным сокращением «живой оболочки» Земли. В случае российской экономики это чревато еще и ее закреплением в уходящем индустриальном укладе формирования цепочек добавленной стоимости, только на макрорегиональном уровне, и закреплением ее технологической отсталости, даже если будет расти ее

¹⁹ Тогда в оригинале название этого плана, возможно, звучало бы: «Build Back Couldn't be Worse Plan».

научно-технический и производственный потенциал в этом укладе. Но крупный бизнес на указанном форуме фактически поставил российское руководство перед необходимостью демонстрировать лояльность этому ретроградному курсу, представляющему интересы крупного капитала, в уверенности, что в условиях геополитического противостояния с коллективным Западом в украинском кризисе альтернативного пути не существует.

Однако он есть, и он находится в русле общих интересов мирового сообщества, которые на длительную в историческом масштабе перспективу не имеют неразрешимых противоречий. Это — перезагрузка устойчивого развития, или «Устойчивое развитие 4.0». Исходить следует из необходимости разрешения основного противоречия современности, а именно: в условиях общей дезинтеграции, особенно «величайшего разлома» между Востоком и Западом, возникла острая потребность в многостороннем и инклюзивном сотрудничестве для ответа на «антропоценный» вызов глобального экономического развития, который *достиг уровня экзистенциальной угрозы*.

Для того чтобы перезагрузка устойчивого развития в виде его следующего этапа (4.0) шла действительно по плану «Восстановить лучше, чем было», необходимо соблюдение одновременно нескольких условий.

Во-первых, необходим международный договор интегрированной безопасности одновременно в духе Ялты-1945, Хельсинкских соглашений-1975 и Рио-де-Жанейро-1992 («Устойчивое развитие 1.0» и «Устойчивое развитие 2.0»). Выдвинутые Россией до начала СВО предложения по гарантиям национальной безопасности, нарушенным волнами расширения НАТО в обход обещаний Горбачёву, должны быть поставлены в рамки требований по реактуализации стратегий устойчивого развития 1.0 и 2.0 в виде подготовленной в эпоху Горбачёва Крымско-Бразильской системы (Ялта-1945/Рио-1992) межпоколенческой интегрированной безопасности, обеспечивающей необратимость социально-экологической устойчивости. Для этого необходимо «пробудить» американскую и европейскую «прогрессивную общественность», если вспомнить терминологию эпохи биполярного периода, в чём должны помочь общие корни в Комиссии Улофа Пальме по вопросам безопасности и разоружения как госпожи Г.Х. Брундтланд, так и господина С. Лёвена — бывших премьер-министров северо-европейских стран, ответственных за Саммиты Будущего 1992 и 2024 годов соответственно. Президенту да Силва как руководителю страны происхождения глобальной повестки устойчивого развития можно предложить инициативу проведения Саммита «Рио+30», который был замещён Саммитом «Стокгольм+50». В качестве ответа на «поликризисный» вызов неустойчивого развития после распада СССР уместно на основе открытой для всех стран и регионов коалиции БРИКС+ инициировать «Рио+30» в Крыму и Бразилии как учредительный Саммит «Крымско-Бразильской платформы» — платформы восстановления глобального сотрудничества в интересах ответственного устойчивого

мирового развития как интегрированной безопасности и подготовки в этих целях нового мирного договора, который, по сути, был подготовлен на условиях окончания «холодной войны» в эпоху Горбачёва на этапе «Устойчивого развития 2.0» для его реализации после Бразильской конференции 1992 года.

Во-вторых, необходима экономическая теория устойчивого развития, которая предусматривает влияние всех факторов интегрированной безопасности развития, в том числе – фактор времени и биосферный фактор, т. е. принципы коэволюции общества и биосферы, отсутствующие в экономическом мейн-стриме. Как представляется, такой объединяющей теории, требующей междисциплинарного синтеза, можно предложить новый термин – «хроноэкофизическая экономика». При таком подходе к экономике возможно объединение природоподобного принципа развития технологий М. Ковальчука [10] и концепции органического роста мировой системы по аналогии с живым организмом [45, 16], и на этой основе перехода к разработке технологий социо-биосферной коэволюции Н.Н. Моисеева [14, 15] как ноосферных [4] технологий, необходимых для антикризисного развития стран, регионов и всего мира на долгую перспективу.

При таком подходе российский газ и нефть смогут стать основой для ответа на другие глобальные вызовы – прежде всего в области мировой продовольственной безопасности, вместо их сжигания под цели энергетики, на что указывал ещё Д.И. Менделеев и что доказал на практике ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, президент Академии наук СССР, А.Н. Несмеянов. Президент РФ Владимир Путин неоднократно заявлял о готовности России помочь нуждающимся в продовольствии беднейшим странам мира за счет бесплатной поставки зерна в рамках того объема, который доходит до них по т. н. Зерновой сделке, заключенной под эгидой ООН в условиях вооруженного конфликта (сделка отвечает цели № 2 из 17 ЦУР – «обеспечение продовольственной безопасности в мире» [31]. Но у России есть возможность не только помочь дружественным ей странам в рамках незначительного процента от суммы сделки, но самой решить эту глобальную проблему, причем в русле современного гуманистического тренда, стремительно набирающего популярность у молодежи. Россия для этого имеет не только ресурсы необходимого объема, но и научно обоснованную и готовую к применению инновационную технологию, известную как несмеяновский проект, прекращение которого в 60-е годы можно расценивать как диверсию «холодной войны», направленную на то, чтобы не дать СССР сохранить темпы технологического рывка после ВОВ и закрепить свой авторитет на международной арене. Ведь еще в начале 60-х годов XX века была научно доказана практическая возможность получения пищи при помощи микробиологии из углеводов, минуя сельское хозяйство, и позже под руководством Несмеянова уже произошел запуск такого производства на практике. Возвращение этого проекта и в целом переход

к новому технологическому укладу может запустить обратный каскадный процесс выхода из антропоцена, который мог состояться еще в эпоху Горбачёва.

«Экономика предложения», заявленная руководством страны на ПМЭФ 2023, в прежней экономической парадигме «устойчивого роста» может фактически оказаться в русле обновленной в США политики «рейганомики», хотя интеграционные процессы формирующегося евразийского макрорегиона в условиях «поликризиса» могут и должны происходить на основе экономики предложения в парадигме «устойчивого развития» как интегрированной безопасности. На основе межгосударственных объединений ЕАЭС, ШОС и БРИКС должен быть сделан решающий вклад в формирование «Договора для будущего» как системы интегрированной безопасности к Саммиту Будущего, запланированному ООН на сентябрь 2024 года, где может состояться четвертая, и, видимо, последняя в истории человеческой цивилизации попытка слома этого «поликризисного» тренда ее развития — стратегия «Устойчивое развитие 4.0».

Литература

1. Антропоцен: научные споры, реальные угрозы (2018). «Курьер». ЮНЕСКО. <https://ru.unesco.org/courier/2018-2/antropocen-nauchnye-sporu-realnye-ugrozy> (дата обращения: 08.10.2022).
2. *Бобылев С.Н.* Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономии. 2020. № 1. С. 67–83.
3. *Брух К.* Интеграция вопросов безопасности в повестку устойчивого развития в целях построения более миролюбивых сообществ. Хроника ООН. 6 ноября 2021. URL: <https://www.un.org/ru/159290> (дата обращения: 08.10.2022).
4. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление // М.: Наука. 1991. — 271 с.
5. *Десаи Радика.* Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи // «Современная экономическая мысль». М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог. 2020. — 328 с.
6. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (1987). ООН, Генеральная Ассамблея. A/42/427. 04.08.1987. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 18.10.2022).
7. *Долматова С.А.* Как устойчивый рост подменил жизнеспособное развитие // Международная жизнь. М.: МИД. (2009). № 2–3. С. 108–128.
8. *Долматова С.А.* Проблемы ответственно-устойчивого развития в контексте нового мирового порядка // Проблемы современной экономики. 2020. № 4 (76). С. 56–59.
9. Жизнеспособная планета жизнеспособных людей: будущее, которое мы выбираем. Доклад Группы высокого уровня Генерального секретаря ООН по глобальной устойчивости (2012). Нью-Йорк: ООН. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/722600> (дата обращения: 18.10.2022).
10. *Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б.* Природоподобные технологии: новые возможности и новые вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. № 5 (89). С. 455–465.
11. *Короткова А.В.* «Зелёные» доспехи старого призрака. 01.04.2022. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/green-armor-of-the-old-ghost> (дата обращения: 18.08.2022).

12. Мало не покажется. Деннис Медоуз предлагает забыть о том, что можно спасти весь мир. Эксперт. 23 апреля 2012 г. URL: <https://expert.ru/expert/2012/16/malo-ne-pokazhetsya/> (дата обращения: 28.04.2023).
13. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя // Москва. ИКЦ «АКАДЕМКНИГА». 2007. – 342 с.
14. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть ... человечеству? // М.: ЗАО «КРНТР». 1999. – 289 с.
15. *Моисеев Н.Н.* Люди не господа, а часть природы. (Письменное обращение от 24 февраля 2000 г., объявленное участникам дискуссии в день его смерти 29.02.2000 г. по его книге "Быть или не быть ... человечеству?"). «Независимая газета». 23.08.2000. URL: https://www.ng.ru/style/2000-08-23/8_people.html?ysclid=las7ow5gog804681154 (дата обращения: 18.08.2022).
16. *Пестель Э.* За пределами роста: глобальная катастрофа или стабильное будущее / Пер. с англ. // М.: Прогресс. 1988.
17. *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. // М. 2016.
18. Стокгольм+50: здоровая планета для всеобщего процветания – наша ответственность, наша возможность (2022). Концептуальная записка (Международное совещание ООН «Стокгольм+50». 31 Марта 2022). URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FCONF.238%2F3&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения: 20.09.2022).
19. Байден подписал военный бюджет США в размере 858 млрд долл. Ведомости. 23.12.2022. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/12/23/956865-baiden-podpisal?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 30.01.2023).
20. Биоразнообразие: Европейский саммит деловых кругов и природы подтолкнет к глобальному соглашению в интересах природы на КС15 // Генеральный директорат по окружающей среде // The Egg. Брюссель. 18.10. 2022. URL: https://environment.ec.europa.eu/news/biodiversity-european-business-and-nature-summit-push-global-deal-nature-cop15-2022-10-18_en (дата обращения: 18.02.2023).
21. В Китае сносят целые кварталы с помощью управляемых взрывов. Новости. Первый канал. 30 августа 2021 г. URL: <https://yandex.ru/video/preview/9115167525506149818> (дата обращения: 18.08.2022).
22. Генсек ООН предупредил о «величайшем разломе» между Востоком и Западом. ООН. Новости. 18.01.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/01/1436747> (дата обращения: 20.01.2023).
23. Деловой завтрак Сбербанка "Российская экономика – новый курс: приоритеты и направления". URL: <https://youtu.be/bc4naahlpMo> (дата обращения: 20.06.2023).
24. Лучшее будущее для всех: пять аспектов Форума по финансированию развития». Цели в области устойчивого развития. ООН. Нью-Йорк. 17.04.2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/04/1440042> (дата обращения: 28.04.2023).
25. Миру предрекли опасное повышение температуры // LENTA.RU. 17.05.2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/05/17/samiy_tepliy/ (дата обращения: 20.05.2023).
26. МЭА спрогнозировало рост мирового спроса на уголь в 2022 году до рекордных 8,03 млрд т // ТАСС: 16.12.22. URL: https://tass.ru/ekonomika/16612641?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.01.2023).
27. ООН и устойчивое развитие. Генеральная Ассамблея ООН. Председатель 65-й сессии. 2011. URL: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml> (дата обращения: 18.10.2022).

28. ООН и устойчивое развитие. Генеральная Ассамблея ООН, 1987. URL: <http://web.archive.org/web/20090312232326/http://www.un.org/russian/esa/sustainable/> (дата обращения: 18.10.2022).
29. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. (2015). Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25.09.2015. // Нью-Йорк : ООН. 2015.
30. ПРООН (2020). (Программа развития ООН). Доклад о человеческом развитии за 2020 год: следующий рубеж: человеческое развитие и антропоцен. Резюме. Нью-Йорк. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2020>; URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020overviewrussianpdf_1.pdf (дата обращения: 20.10.2022).
31. Путин: РФ готова бесплатно передать зерно Африке, если сделка не будет продлена. «Российская газета». 20.03.2023. URL: https://environment.ec.europa.eu/news/biodiversity-european-business-and-nature-summit-push-global-deal-nature-cop15-2022-10-18_en (дата обращения: 18.05.2023).
32. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки. 1975. Сотрудничество в области экономики, науки и техники и окружающей среды. С.15. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf.
33. Указ Президента Российской Федерации (1996) № 440 от 01.04.1996 г. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 18.08.2022).
34. Устав ООН. Сан-Франциско. 26.06.1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 20.03.2023).
35. «Шаги назад»: что будет с ESG-проектами после ухода иностранных компаний // РБК: 07.10.2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/632873db9a794758d8eef01e> (дата обращения: 20.01.2023).
36. Agenda 21 UNCED. 1992. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/Agenda21.pdf>.
37. ExxonMobil предсказала изменение климата в 1970-х, но умолчала об этом. URL: <https://habr.com/ru/amp/post/710842/> (дата обращения: 20.01.2023).
38. *Gale F.P.* The Political Economy of Sustainability; Edward Elgar Publishers: Northampton, MA, USA, 2018. – 304 p. URL: <https://www.e-elgar.com/shop/gbp/the-political-economy-of-sustainability-9781785368004.html>.
39. Global risks. We're on the brink of a 'polycrisis' – how worried should we be? Geneva: World Economic Forum. Jan 13, 2023. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2023/01/polycrisis-global-risks-report-cost-of-living/> (дата обращения: 21.01.2023).
40. Human-made materials now outweigh Earth's entire biomass – study. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/dec/09/human-made-materials-now-outweigh-earths-entire-biomass-study> (дата обращения: 20.03.2021).
41. *Löfven S.* Towards a more secure future through effective multilateralism based on facts, science and knowledge. 19 September 2022. URL: <https://www.sipri.org/commentary/essay/2022/towards-more-secure-future-through-effective-multilateralism-based-facts-science-and-knowledge> (accessed: 18.10.2022).
42. *Lövbrand E., Möbjörk M.* (2021). Anthropocene (In)Securities – Reflections on Collective Survival 50 Years after the Stockholm Conference, SIPRI Research Report No. 26. Stockholm International Peace Research Institute. URL: https://sipri.org/sites/default/files/2021-09/anthropocene_insecurities.pdf (accessed: 18.08.2022).

43. *Löfven S., Wallström M.* We must strengthen multilateralism in a new era of risk. 2 Июня 2022 года. URL: <https://www.sipri.org/commentary/essay/2022/we-must-strengthen-multilateralism-new-era-risk> (дата обращения: 18.10.2022).
44. MARCH 25. #PEOPLENOTPROFIT. URL: <https://fridaysforfuture.org/march25/> (дата обращения: 18.10.2022).
45. *Mesarovic Mihajlo D., Pestel E.* Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome. 1974.
46. Our Common Future: Report of the World Commission on Environment & Development. Oxford: Oxford University Press 1987. URL: <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm>.
47. Our World Is in Big Trouble' Press release UN. New York. 20.09.2022. URL: <https://press.un.org/en/2022/sgsm21466.doc.htm> (дата обращения: 18.10.2022).
48. Progress towards the Sustainable Development Goals: Towards a Rescue Plan for People and Planet: 24.04.2023 // United Nations General Assembly Economic and Social Council. URL: <https://hlpf.un.org/sites/default/files/2023-04/SDG%20Progress%20Report%20Special%20Edition.pdf> (accessed 15.05.2023).
49. *Schwab K., & Davis N.* Shaping the Fourth Industrial Revolution // Geneva: World Economic Forum. 2018.
50. *Simon M.* (2019). Capitalism Made This Mess, and This Mess Will Ruin Capitalism. URL: https://www.wired.com/story/capitalocene/?_ga=2.144282997.1977688746.1669815989-1771778119.1651145432. (дата обращения: 18.10.2022).
51. SIPRI's report Environment of Peace: Security in a New Era of Risk (2022). SIPRI, Stockholm: May 2022. URL: <https://sipri.org/publications/2022/other-publications/environment-peace-security-new-era-risk> (Accessed: 18.08.2022).
52. *Stiglitz J.* The climate crisis is our third world war. It needs a bold response // The Guardian. 04.06.2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jun/04/climate-change-world-war-iii-green-new-deal>.
53. *Stiglitz J.* People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent, Norton // New York. 2019.
54. What Is a 'Polycrisis' and How Do We Get Out of It? Geneva: World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/videos/what-is-a-polycrisis-how-do-we-get-out-of-it> (дата обращения: 21.03.2023).
55. WMO Global Annual to Decadal Climate Update (Target years: 2023–2027). World Meteorological Organization (WMO). 2023.

Svetlana Dolmatova (e-mail: dolmatova@imemo.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) (Moscow, Russian Federation)

POLYCRISIS GLOBALIZATION OR SUSTAINABLE DEVELOPMENT 4.0?

The article presents the periodization of the formation of sustainable development strategies as a system of measures taken by the world community to counteract the polycrisis trend of world development. The reasons for the failure of these strategies,

which allowed the emergence of existential threat to humanity in the form of "anthropocentric" challenge of economic globalization, are revealed. It is shown that if "the Great Fracture» between the East and the West is overcome on the basis of the system of integrated security, which links socio-economic and environmental problems with issues of security and peace, a systemic and collective resistance to polycrisis globalization can and must be organized.

Keywords: sustainable development, globalization, environmental governance, geopolitics, polycrisis, integrated security, anthropocene, political economy.

DOI: 10.31857/S020736760027014-4